

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
Д21

Samantha Downing

MY LOVELY WIFE

Серия «Идеальный триллер»

Публикуется с разрешения Berkley, an imprint of Penguin Publishing Group, a division of Penguin Random House LLC и Anna Jarota Agency

Перевод с английского *Ирины Павловой*
Оформление обложки *Яны Половцевой*

Даунинг, Саманта.

Д21 Моя дорогая жена : [роман] / Саманта Даунинг ; [перевод с английского И.В. Павловой]. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 416 с. — (Идеальный триллер).

ISBN 978-5-17-118777-4

Если Декстер столкнется с мистером и миссис Смит, получится захватывающий кровавый психологический триллер.

На первый взгляд наша история любви ничем не отличается от истории многих других пар. Я встретил великолепную женщину. Мы влюбились. У нас родились дети. Мы переехали в пригород. Мы поделились друг с другом нашими самыми сокровенными мечтами и... нашими самыми темными секретами.

А потом нам стало скучно, и мы решили немного развлечься. Мы похожи на нормальную пару. Мы — ваши соседи, родители друга вашего ребенка, знакомые, с которыми вы ходите вместе обедать. У всех нас есть свои секреты, которые помогают сохранять наш брак. Вы ходите в кино. Ездите в отпуск.

А мы иногда убиваем...

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-118777-4

© Samantha Downing, 2019
© Павлова И., перевод, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2020

1

Она смотрит на меня голубыми стеклянными глазами. Потом переводит взгляд на свой бокал и снова поднимает его на меня. Я чувствую, что она за мной наблюдает, пытается понять: испытываю ли я к ней такой же интерес, какой она испытывает ко мне. Подняв голову, я улыбкой показываю ей: да, испытываю. Она улыбается в ответ. Почти вся помада на ее губах стерлась, на ободке бокала краснеет характерное размазанное пятнышко. Я подсаживаюсь к ней.

Девушка поправляет свои волосы: обычные, ничем не примечательные — ни длиной, ни цветом. Ее губы шевелятся. Она произносит: «Привет», и ее глаза внезапно вспыхивают, словно их подсветили изнутри.

Физически я ее привлекаю, как и большинство женщин в этом баре. Мне тридцать девять, я отлично сложен, густые волосы, на щеках и подбородке ямочки, и костюм на мне сидит лучше, чем на руке перчатки. Вот почему она обратила на меня внимание. Вот почему она мне улыбнулась и так довольна, что я к ней подкатил. Я — мужчина ее мечты.

Я пододвигаю к ней мобильник по барной стойке. На его экране высвечивается текст:

«Привет. Меня зовут Тобиас».

Она читает сообщение и, выгнув бровь, переводит взгляд с мобильника на меня и обратно. Я набираю новое сообщение:

«Я глухой».

Ее брови поднимаются вверх, рука прикрывает рот, а кожа розовеет. Замешательство у всех проявляется одинаково.

Она качает головой: жаль, ах, как же жаль! Она этого не знала.

«Конечно же, не знала. Откуда ты могла это знать?»

Она улыбается, только уже по-другому. Не так, как прежде.

Я больше не картинка в ее голове. Я уже не тот мужчина, которого она себе воображала. И теперь она колеблется, не знает, что ей делать.

Но вот она берет мой телефон и пишет в ответ:

«Меня зовут Петра».

«Приятно познакомиться, Петра. Ты русская?»

«Мои родители были русскими».

Я киваю и улыбаюсь, она тоже кивает и улыбается. Судя по всему, ее мозг закипел от сомнений.

Она бы предпочла не оставаться со мной. Ей хочется встретить мужчину, который будет слышать ее смех и не станет печатать свои слова.

Но в то же время совесть велит ей быть терпимой и не принижать «ущербного» человека. Петра явно не хочет выглядеть поверхностной женщиной, которая отказывает мужчине, потому что он глухой. Она не хочет отвергать меня так, как отвергали многие до нее.

Или только делает вид.

Ее внутренняя борьба — трехактная пьеса, разворачивающаяся перед моими глазами. И я знаю, как она закончится. По крайней мере, заканчивалась уже множество раз.

Петра остается. Ее первый вопрос — про мой слух или его отсутствие. Да, я глухой от рождения. Нет, я никогда не слышал никаких звуков: ни смеха, ни чело-

веческого голоса, ни лая щенка или рокота самолета над головой.

Петра надевает на лицо печальное выражение. Она не сознает его покровительственности, а я не упрекаю ее, потому что она старается. И потому что она *осталась*.

Петра спрашивает, умею ли я читать по губам. Я киваю, и она начинает говорить.

— Когда мне было двенадцать лет, я сломала себе ногу в двух местах. Упала с велосипеда, — губы Петры шевелятся преувеличенно гротескно. — И мне пришлось носить гипс от ступни до бедра, — Петра замолкает и чертит пальцем по бедру линию — на случай, если я недопонял. Я все понял, но ценю ее усилия. И бедро тоже.

Взбодрившись, Петра продолжает:

— Я не могла ходить шесть недель. И в школе я ездила в инвалидном кресле, потому что гипс оказался очень тяжелым для костылей.

Я смеюсь, хоть смутно представляю себе маленькую Петру с огромным гипсом на ноге и еще меньше представляю себе, к чему ведет эта печальная история.

— Я не хочу сказать, что понимаю, каково это — жить в инвалидном кресле постоянно или иметь иное отклонение от нормы. Я просто всегда чувствую состояние такого человека... Как будто... Как бы это лучше выразиться... как будто я испытала это на себе, только на время. Понимаешь?

Я киваю.

Петра с облегчением улыбается — она опасалась, что эта история может задеть меня за живое.

Я печатаю:

«Ты очень чувствительная».

Петра пожимает плечами и сияет в ответ на комплимент.

Мы берем еще по бокалу вина.

Я рассказываю ей историю, не связанную с моей глухотой. О своем любимчике из детства — Шермане. Это был лягушонок-бык, который сидел на самом большом камне в пруду и лопал всех мух подряд. Я никогда не пытался поймать Шермана, а только наблюдал за ним, и иногда он тоже за мной наблюдал. Нам нравилось сидеть рядом, и я стал называть его своим «домашним питомцем».

— А что с ним случилось? — интересуется Петра.

Я вздрагиваю.

«Однажды я пришел, а камень был пуст. Я больше никогда его не видел».

— Как это печально, — вздыхает Петра.

«Вовсе нет», — возражаю я. Гораздо печальней было бы найти его мертвое тельце и столкнуться с дилеммой: нужно ли его хоронить? Хорошо, что мне не пришлось этого делать. Я просто представил, что лягушонок переселился в другой, больший по величине пруд, над которым летало громадное количество мух.

Петре понравился мой ответ, и она прямо заявила мне об этом.

Но я не рассказал ей всего, кое о чем умолчал. Например, о том, что у Шермана был очень длинный язык, который выстреливал по сторонам так быстро, что я с трудом его замечал. Но мне всегда хотелось его схватить. Я любил сидеть у пруда и размышлять о том, насколько плохой была эта мысль. Насколько ужасно было бы схватить лягушонка за язык? Причинил бы я ему тем самым вред или нет? И если бы он умер, считалось бы это убийством? Я никогда не пытался этого сделать, да и вряд ли бы у меня получилось, но я раздумывал над этим, и из-за этого мне казалось, что я не был Шерману хорошим другом.

Петра рассказывает мне о своем коте Лайонеле. Она назвала его в честь другого кота, тоже Лайонела, который был у нее в детстве. Я говорю ей, что это смешно, хотя совсем в этом не уверен. Она показывает мне фотки. Лайонел — персидский кот с черно-белой мордой. Он слишком толстый, чтобы быть умным.

Петра переводит разговор на свою работу: она разрабатывает бренды товаров и компаний. По ее словам, это и легко, и тяжело. Тяжело бывает в самом начале, потому что заставить кого-нибудь что-то запомнить очень трудно. Но, чем больше людей начинают узнавать бренд, тем легче становится его продвигать.

— В какой-то степени даже не важно, что мы продаем. Бренд становится значимей продукта, — Петра указывает на мой телефон и спрашивает, почему я его купил: потому что он мне понравился или из-за бренда?

«Наверное из-за того и другого».

Петра улыбается:

— Видишь. Ты даже затрудняешься ответить.

«Похоже, что так».

— А ты чем занимаешься?

«Я бухгалтер».

Она кивает. Это самая невозбуждающая профессия в мире, но она обеспечивает стабильность и солидность. И это то, что по силам глухому парню. Цифры не говорят — у них нет голоса.

К нам подходит бармен — опрятный и аккуратный. Судя по возрасту, студент колледжа. Петра берет заказ на себя — ведь я же глухой. Женщины всегда думают, что обо мне надо заботиться. Им нравится делать что-нибудь за меня, потому что они считают меня слабым.

Петра заказывает нам еще по бокалу вина и свежую закуску. И улыбается так, словно гордится собой. Это

заставляет меня рассмеяться. Молча, но все-таки рассмеяться.

Она наклоняется и кладет свою руку на мою. Она забыла, что я не ее идеальный мужчина, и развитие нашего знакомства уже предсказуемо. Довольно скоро мы оказываемся в ее квартире. Решение дается мне легче, чем следовало бы, но вовсе не потому, что я нахожу ее необычайно привлекательной. Это выбор. Петра предоставляет мне право решать, и я превращаюсь в мужчину, говорящего «да».

Петра живет в деловой части города, неподалеку от бара, в эпицентре рекламы всех крупных брендов. Ее квартира не настолько чистая, как я ожидал: повсюду разбросаны вещи — одежда, посуда, газеты. Это наводит меня на мысль, что она часто теряет ключи.

— Лайонел где-то тут. Прячется, наверное.

Но я вовсе не ищу глазами жирного кота.

Петра пронесится по комнатам, бросая сумку в одной и скидывая туфли в другой. В руках у нее появляются два бокала, наполненные красным вином, и она ведет меня в спальню, а там, улыбаясь, поворачивается ко мне лицом. Внезапно она становится еще более привлекательной, даже ее гладкие волосы начинают переливаться.

Это не только алкоголь, но и ее счастливый вид. У меня складывается впечатление, будто Петра давно не вызывала у мужчин желания. Не понимаю, правда, почему: она довольно мила.

Девушка прижимается ко мне, ее тело теплое, дыхание отдает вином. Петра забирает из моей руки бокал и ставит на пол.

Я отпиваю из него вино уже гораздо позже, когда мы в темноте, при одном лишь свете моего телефона, печатаем вопросы и ответы, посмеиваясь над собой и тем, что совершенно не знаем друг друга.

Я спрашиваю:

«Твой любимый цвет?»

«Зеленый, лаймовый».

«Мороженое?»

«Баббл-гам, со вкусом жвачки».

«Баббл-гам? С голубой начинкой?»

«Ну да».

«Надо же».

«А ты какое мороженое любишь?»

«Ванильное. А твоя любимая начинка для пиццы?»

«Ветчина».

«Мы уже готовы».

«Да?»

«Погоди, мы все еще о пицце говорим?»

Мы говорим уже не о пицце.

А потом она засыпает первой. Я колеблюсь — уйти мне или остаться. Я так долго решаю, как мне поступить, что в итоге и сам засыпаю.

Просыпаюсь затемно и выскальзываю из постели, не разбудив Петру. Она спит лицом вниз, одна нога согнута, волосы рассыпаны по подушке. Я не могу понять, нравится она мне по-настоящему или нет. И решаю об этом не думать. Незачем.

На прикроватной тумбочке лежат ее сережки. Они сделаны из цветного стекла: водоворот голубых теней, под стать глазам Петры. Одевшись, я смахиваю сережки с тумбочки в свой карман. Я забираю их себе как напоминание больше так не делать. Мне кажется, это работает.

А потом я направляюсь к входной двери.

— Ты действительно глухой?

Петра задает этот вопрос громко, прямо мне в спину, и я его слышу. Потому что я не глухой.

Но я не оборачиваюсь.

Я притворяюсь, что ничего не услышал, подхожу к двери, захопываю ее за собой и продолжаю идти. Выйдя из здания, я прохожу квартал, сворачиваю за угол и только тогда останавливаюсь и задумываюсь: как она догадалась? Должно быть, я допустил ошибку.

2

Меня зовут не Тобиас. Я пользуюсь этим именем, только когда хочу, чтобы меня кто-то запомнил. В данном случае — бармен. Я представился ему, напечатав свое имя, когда зашел в бар и заказал выпивку. Он меня запомнит. Он запомнит, что Тобиас — глухой мужчина, ушедший из бара с женщиной, с которой только что познакомился. Это имя для него, а не для Петры. Она по-любому меня запомнит, вряд ли ей доводилось раньше спать с глухими парнями.

И если бы я не допустил ошибку, то остался бы лишь необычным эпизодом в хронике ее сексуальных приключений. А теперь останусь странным эпизодом, потому что Петра запомнит меня как парня, «притворявшегося глухим» или «вероятно, притворявшегося глухим».

Чем больше я об этом думаю, тем больше задаюсь вопросом: а не допустил ли я целых два промаха? Возможно, я на миг замер на месте, когда она спросила, действительно ли я глухой. Это вполне могло произойти, потому что именно так люди реагируют, слыша то, чего не ожидали услышать. И если я на самом деле замер, то Петра, скорее всего, это заметила. И сообщила, что я соврал про свою глухоту.

Всю дорогу домой я испытываю дискомфорт. Сиденье в машине скрипит и царапает мне спину, радио играет слишком громко, и везде слышатся зловещие

крики. Но я не могу винить в этом Петру. Просто я раздражен.

Зато дома все тихо и спокойно. Моя жена, Миллисент, все еще в постели. Я женат на ней уже пятнадцать лет, и она зовет меня не Тобиасом. У нас двое детей: Рори четырнадцать, а Дженна на год младше.

В нашей спальне темно, но я различаю фигуру Миллисент под одеялом. Сняв ботинки, я на цыпочках крадусь в ванную.

— Все нормально?

Голос жены звучит полусонно.

Я оглядываюсь и вижу ее тень, приподнявшуюся на локте.

И я снова перед выбором. Из-за Миллисент, что случается редко.

— Нет, — отвечаю я.

— Нет?

— Она нам не подходит.

Воздух между нами застывает и оттаивает только тогда, когда Миллисент выдыхает и снова кладет голову на подушку.

* * *

Она встает раньше меня. К тому времени, как я захожу на кухню, Миллисент уже организует завтрак, сухие пайки детям в школу, наш день и наши жизни.

Я понимаю: мне следует рассказать ей о Петре. Не о сексе с ней, нет (этого я бы своей жене ни за что не рассказал), а о том, что я ошибся, и Петра нам подходит. Мне надо это сделать, потому что упускать Петру рискованно, но вместо этого я молчу.

Миллисент смотрит на меня. Ее разочарование причиняет мне большую боль, чем физическая сила. Глаза у моей жены зеленые, переливаются всеми оттенками этого цвета, как камуфляж.

И они совсем не похожи на глаза Петры. У Миллисент и Петры нет ничего общего, разве что они обе спали со мной. Или одной из моих ипостасей.

По лестнице с топотом проносятся дети, орущие друг на друга и ссорящиеся из-за того, что накануне в школе кто-то из них что-то не так сказал.

Дети уже одеты и готовы к школе. Я тоже уже оделся для работы в свой белый теннисный костюм.

Я не бухгалтер и никогда им не был. Пока мои дети в школе, а жена продает дома, я на корте под открытым небом, под лучами солнышка, учу людей играть в теннис. Большинство моих клиентов среднего возраста и давно утратили спортивную форму (если она у них вообще когда-то была), зато у них уйма денег и времени. И меня периодически нанимают богатенькие родители, свято верящие, что их чадо — талант, будущий чемпион и ролевая модель. До сих пор все они ошибались.

Скоро я опять отправлюсь кого-нибудь чему-нибудь учить, но прежде Миллисент заставляет и меня, и детей сесть за стол хотя бы на пять минут. Она называет это завтраком.

Дженна закатывает глаза и сучит в раздражении ногами, желая получить свой мобильник обратно: садиться за стол с телефоном у нас запрещено. Рори держится спокойнее сестры: за пять отведенных нам минут он старается проглотить как можно больше еды, а потом набивает свои карманы тем, что не успело попасть ему в рот.

Миллисент сидит напротив меня, с чашкой кофе у губ. Она тоже готова к работе: на ней юбка, блузка и туфли на каблуках. Рыжие волосы уложены назад. В лучах утреннего солнца они кажутся медными. Мы с Миллисент ровесники. Но она выглядит лучше меня, так было всегда. Она женщина, которую я, похоже, так и не смог заполучить.

Моя дорогая жена

Моя дочь стучит пальчиками по моей руке, как будто отбивает ритм какой-то песни. И, конечно, добивается своего — я обращаю на нее внимание. Дженна не похожа на мать. И глаза, и волосы, и форму лица она унаследовала от меня, и иногда меня это печалит. А иногда радуется.

— Папа, ты купишь мне сегодня новые туфли? — спрашивает Дженна. И улыбается, потому что знает: я скажу «да».

— Да, — говорю я.

Миллисент пихает меня под столом ногой.

— Этим туфлям всего месяц, — говорит она Дженне.

— Но они стали мне слишком тесны.

На это даже моя жена не находится, что возразить.

Рори спрашивает, можно ли ему поиграть в видеоигру перед уходом в школу, всего несколько минут.

— Нет, — мотает головой Миллисент.

Сын смотрит на меня. Мне следует сказать «нет», но теперь, сказав «да» его сестре, я этого сделать не могу. Рори это знает, потому что он умный мальчик, так похож на Миллисент.

— Валяй, — говорю я.

Рори уносится прочь.

Миллисент с шумом ставит на стол чашку с кофе.

Дженна хватается свой телефон.

С завтраком покончено.

Перед тем, как встать из-за стола, Миллисент сверлит меня взглядом. Она выглядит в точности как моя жена и в то же время совсем на нее не похожа.

* * *

Впервые я увидел Миллисент в аэропорту. Мне тогда было двадцать два, я возвращался из Камбоджи, где провел лето с тремя друзьями. Мы кайфовали каж-